

ДРУГИМ ПУТЕМ

1

На германском фронте продолжаются бои. На Северо-Западе немецкое наступление остановлено на рубеже р. Дубиссы.

На участке фронта в районе р. Оржиц и Лыдыня 30 июня (даты по ст. стилю) германские войска предприняли наступление силами до корпуса. 1-я, 2-я сибирские стрелковые и Сибирская казачья дивизия отразили наступление, не дав немцам продвинуться более чем на километр, несмотря на сильный артиллерийский огонь.

Военная хроника. Газета «Русский инвалид»

АФИНЫ, 17(30).VI. В понедельник утром английский крейсер бомбардировкой совершенно разрушил склад керосина в Листа, близ Смирны. Вслед за тем тот же крейсер подошел к Чесме, потопил находившийся там парусник и с успехом обстрелял турецкие позиции близ города.

ЛОНДОН, 17(30).VI. «Times» сообщает:

Крейсер «Гесар» 14 июня бомбардировал порты Чесму, Лидию и Аггелию на азиатском берегу, против Хиоса, и уничтожил склады снарядов и керосина на Лидии и таможню на Аггелии.

В Чесме турки расстреляли 2000 винтовочных обойм, поддерживая огонь против крейсера, но без всякого результата. (ПА).

САЛОНИКИ, 17(30).VI. С Митилены сообщают:

В этом море прервано всякое сообщение. Турки поставили здесь большое количество мин, чтобы помешать действиям подводных лодок.

Греческое население на побережье Мраморного моря сильно страдает, вследствие обвинения его турками в доставке бензина на подводные лодки. (ПА).

«Русское слово», Июнь 1915 г.

«Немцев не вожу»

15 июня легковой извозчик, следуя с двумя седоками от Балтийского вокзала, заявил, остановив лошадь, полицейскому чину, что он не желает ехать дальше, так как седоки говорят по-немецки. Седоки предъявили документы в том, что они высылаются в Германию, присовокупив, что следуют на Финляндский вокзал. Последнее подтвердил и извозчик, но все-таки попросил освободить его от немцев даже без какой-либо платы за часть проезда. Немцам пришлось нанять другого извозчика.

Газета «Петроградский листок», 15 июня 1915 г.

— Желаю здравствовать, господин подполковник — Крепыш штабс-капитан с жутко изуродованным шрамами лицом привычно бросил руку к фуражке.

Дивизионный врач улыбнулся одними губами и ответил на приветствие:

— И вам доброго здоровьица, Глеб Константинович. Искренне рад вас видеть, — покривил он душой.

Лицезрению штабс-капитана Львова он совершенно не радовался: «Нет, офицер — по всем статьям! Не красавец, так с лица воду и не пить, а вот все остальное — мое почтение! Из гвардии сам попросился в армию, — подполковник Раевский уж постарался навести самые точные справки, — и не потому, как проигрался или, упаси Господь, что-то порочащее офицерскую честь, а исключительно по зову сердца и долга. На Балканскую войну отправился. А после в гвардии восстанавливаться не стал, что характеризует Глеба Константиновича со стороны самой наилучшей. И воевал хорошо: “Станислава” с мечами и “Владимира”

с мечами честно заслужил. Но только вот говорят о нем нехорошее. Будто бы звереет господин Львов в бою, чело-веческий облик теряет».

Владимир Семенович Раевский полагал себя врачом опытным, да и успел насмотреться на то, что с людьми война делает — японскую кампанию от первого до последнего выстрела в действующей армии прошел. И потому не без оснований полагал, что «накатило» на штабс-капитана после того ранения. Осколком снаряда зубы повыбивало, лицо разворотило, да и контузия, опять-таки... Вот тогда-то все и началось: узрел Глеб Константинович в зеркале «ряд волшебных изменений милого лица»¹ и взбесился. Солдаты от его муштровки стонут, офицеры шарахаются.

Недавно вот снова учудил. На дне ангела заместителя командира полка принялся капитан Вельцбах о своих родственниках в Германии рассказывать. Нет, понятно, что пьян Вельцбах был до положения риз, но надо же иметь и уважение к родственным чувствам. Неприятно ему в своих по крови стрелять. Все с пониманием отнеслись, уж и забыли, а тут Львов эдак с улыбочкой, которая на его лице вовсе звериным оскалом смотрится, и говорит:

— Благодарю вас, господин капитан. Теперь буду знать, что на правом фланге у меня — потенциальный предатель... — Потом возвел очи горе и добавляет, словно бы про себя, но так, что всем слышно: — Надо бы там отсечную позицию оборудовать...

И добро бы просто сказал. Вельцбах тогда покричал, попробовал даже Глеба Константиновича на дуэль вызвать, но его успокоили быстро. Владимир Семенович лично ему в рот два лафитника шустровского влил — он и успокоился. Даже похрапывать принялся. Вот только на следующий день Львов свое обещание выполнил и поперек траншеи отсечную позицию отрыл. Даже рогатку с проволокой откуда-то раздобыл и траншею-то и перегородил.

¹Строка из стихотворения А. А. Фета.

И так со всеми. Даже со своим товарищем по юнкерскому училищу, штабс-капитаном Лисовским, не ладит. Хотя и вежлив и, как говорят господа англичане, корректен, а нет-нет да и прорвется такое, что оторопь берёт.

И вот же случилось, что племянница Владимира Семеновича — Зоя Карташева, набившаяся в сестры милосердия прямо в его лазарет... Впрочем, тут уж нечего против истины грешить: Раевский сам ее к себе забрал. Все ж под приглядом. А то перед сестрой нехорошо вышло бы.

И вот эта самая Зойка-шалунья, стрекоза Зойка, которую он знал с пеленок, умудрилась влюбиться в это чудюдо морское. И ни на какие уговоры не поддается. «Он очень интересный человек! Он очень смелый человек! И вообще: я его люблю!»

Правду сказать, Львов — партия не из последних. Хотя и дальний, а родич князьям Львовым, и, говорят, что вожат ему где-то там, в эмпиреях... И честен, не пользуется дурным девичьим чувством, во всяком случае — пока. Но вот не лежит у него душа к этому штабс-капитану. Не лежит, и все тут!

Объект же нелюбви господина Раевского тем временем поцеловал Зойке кончики пальцев, обнял ее на прощание и угнезвился в седле подведенного ротным ординарцем коня. Еще раз помахал рукой своему «предмету» и потрусил нескорой рысцой в сторону передовой. Раевский с неодобрением посмотрел ему вслед, потом с таким же неодобрением взглянул на лучашуюся счастьем Зойку, но тут же позабыл обо всем, так как в этот самый момент ему доложили о прибытии давно заказанных лекарств. Владимир Семенович отправился к стоявшим поодаль от палаток санитарным повозкам с красными крестами на беленных известью бортах и совсем позабыл о своих недавних размышлениях.

А виновник тягостных раздумий дивизионного врача подполковника Раевского в этот самый момент ехал вдоль набитой сотнями повозок колеи и предавался совер-

шенно другим размышлениям, хотя и тоже весьма тягостным.

Основной его мыслью было: «И как же это меня угораздило?»¹ Жил себе, жил, никого не трогал... почти... иногда... Нет, все-таки разумного объяснения тому, как мужик хорошо за пятьдесят, счастливый муж, отец и дед вдруг в одночасье оказался на фронте Первой мировой. «Шел, споткнулся, упал, ударился головой. Очнулся — ... ФРОНТ!» И ведь самое обидное, что почти так оно и есть...

Глеб Константинович Львов извлек из кармана портсигар с массивными золотыми накладками, вытащил папиросу, чиркнул спичкой и закурил. Машинально протянул портсигар ординарцу:

— Будешь?

— Премного вам благодарны, Глеб Константинович, — младший унтер-офицер чинно принял папироску, замолотил кресалом по кремню, раздул фитиль и тоже окутался клубами сизого табачного дыма.

В отличие от своего командира, ординарец не утруждал себя особыми рассуждениями. Станный у них ротный, ну да и бог с ним. Солдатешки, знамо дело, стонут от евойных придинок, но больше для виду: кормёжка в их роте самая-пересамая, сапоги у всех целые, шинелки — тоже. И попусту класть своих их благородие сам не станет и другим не дает. Так что хоть и постанывают солдаттики, а скажи кто из чужаков хоть слово против их командира ротного — пущай Господа благодарит да ангелов-заступников, коли зубы в горсти не унесет! А то! Небось вся рота видела, как их благородие артельщика мордовал за прокисшую капусту. Так отделал — ого! В иной деревне конокрада легче бьют. А напоследок макнул их благородие штабс-капитан болезного мордой в прокисшие да вонючие щи и держал там, покуда тот едва-едва не сварился! С той поры его солдатешки сильно зауважали.

¹ Фраза из мультфильма «Лягушка-путешественница».

А что с придурью штабс-капитан, так оно и ничего. Известно — барин. А у бар всегда придурь какая ни на есть, а сыщется.

Вот взять хотя бы, как он в ординарцы попал. Ехал себе, ехал в Белгорайский полк, а тут их благородие возьми да и подвернись. Постоял-постоял, потом ушел куда-то, а потом и приказывают: собирай, мол, свои пожитки, да вот с их благородием и ступай. Оказалось, что их благородие Глеб-то Константинович его у ротного в карты выиграл. И как-то так запросто сразу с ним стало — даже удивительно! Опосля уж как-то не выдержал, спросил: зачем я, мол, вам понадобился-то, вашбродь? А Глеб Константинович только усмехнулся эдак да и говорит: «А усы, мол, мне твои приглянулись. Тебе, — говорит, — еще бы бурку да папаху...» Вот и знай-понимай: не хочет сам говорить, а коли так — так тому и быть. Чай, не поп — их благородие не исповедую.

Тем временем штабс-капитан Львов отбросил окурочек и снова погрузился в воспоминания. Вот шел себе человек слегка навеселе от старого друга, да еще и сослуживца-однополчанина в придачу. Шел себе, шел — и надо ж ему было ввязаться в разборки каких-то малолетних преступников. Двоих свалил, а потом ка-а-ак дали по голове — аж в глазах потемнело.

Проморгался — здравствуй, ..., Новый год! Прет на тебя какой-то бешеный реконструктор в прусском фельдграу образца одна тысяча девятьсот четырнадцатого года, да еще и норовит штыком в животе поковыряться. А штык у него ни хрена не резиновый, а самый настоящий, стальной. Как увернулся, сразу и не вспомнить, а в руке что-то тяжелое как раз оказалось — этим-то тяжелым и двинул реконструктора в висок. Аккурат под обрез кожаного шлема с пикой.

Тяжеленная штукавина в руке оказалась пистолетом маузер, а при нажатии на спуск выяснилось, что он еще и заряжен. А вокруг месились... никакие это не реконструк-

торы! В натуральной траншее шла рукопашная между бородачами в форме русской армии и какими-то гадами в немецкой форме. Прежде чем он успел сообразить, что собственно происходит, рука сама подняла маузер, и двое прусских гренадеров отправились на встречу с создателем.

Дальнейший бой помнился плохо, урывками. Он кого-то бил, от кого-то уворачивался, куда-то бежал... Это потом, уже после, молоденький прапорщик с окровавленным рукавом кителя поинтересовался: почему вместо привычного уставного «За Веру, Царя и Отечество!» господин штабс-капитан изволили бешено вопить: «За Родину! За Сталина!»? И кто, собственно, такой этот Сталин?

Выяснилось, что умелыми действиями штабс-капитан Львов не только остановил атаку противника, но и перешел со своей ротой в контратаку, ворвался на плечах отступающего противника во вражеские траншеи, захватил два пулемета и три десятка пленных, в том числе двух офицеров. Во всяком случае, именно так был написано в представлении к очередному «Стасику». Только получить он его тогда не успел. На следующий день схлопотал по морде куском снаряда. Хорошо хоть, что жив остался...

Вернулся в свой полк лишь зимой, заодно раздобыв себе в роту нового ординарца. Услышал, как кто-то в воинском эшелоне окликнул своего товарища, и встал как вкопанный. Еще бы, такая фамилия! А уж когда выяснил, что и имя-отчество совпадают... Ну кто бы тут устоял? Выцыганил будущего героя гражданской войны у его комроты, и вот — он теперь рядом едет. Еще бы его комиссара отыскать... хотя он, кажется, на фронте в Империалистическую не воевал.

А вообще-то жить здесь можно. Правда, неохота за Николашку Кровавого воевать, но... там видно будет, как оно дальше сложится. Зато вот Зоенька — это нечто. Как в свое время завидовал герою «Юнкеров» Куприна, а тут — вот оно! Чистенькая такая, нежная барышня, романтическая и... да и сексуальная, чего уж тут. Ладно, уже недолго осталось:

еще неделька, много — две, и крепость падет. С открытыми воротами...

В этот момент сзади что-то гроыхнуло. Раз, другой, а потом... Потом на землю сошел ад...

Борис Владимирович Анненков, есаул четвёртого сибирского казачьего полка, ехал в расположение госпиталя, чтобы свидеться с сестрой милосердия Антониной, и тоже размышлял о бренности бытия.

Размышлял о том, как вообще получилось так, что он, полковник и вообще заслуженный человек, полез вытаскивать мальчика, залезшего в трансформаторную будку в их дворе. Мальчишка вполне живой сидел в углу будки, а перед ним бушевал шар плазмы от выгорающего трансформатора.

Того парнишку он выкинул наружу, зацепив за ногу, а вот сам не успел.

Очнулся на койке в госпитале, куда его предшественник по телу загремел, получив лёгкое пулевое ранение и контузию. Ранение было лёгким, а вот воспаление и последствия оно — вполне тяжёлыми.

Рефлексии и метания вообще были не свойственны полковнику Рябинину. И, оказавшись в теле есаула, он тоже не стал бегать по палате, заламывая руки, а спокойно и аккуратно перебрал по кусочкам всё, что досталось ему от памяти прежнего владельца, собираясь провести весь отпущенный ему век не в доме скорби, а вполне деятельно и активно.

Есаул командовал сотней в составе полка, и командовал неплохо, судя по состоянию дел в подразделении. Казачки были сыты, одеты по нормам, и даже патронный голод не слишком свирепствовал. Конечно, за время лежания в госпитале дела слегка пошатнулись, но, прибыв домой в полк, он быстро навёл порядок.

Позиционная война, к которой скатилось противостояние на германском фронте, заключалась в редких атаках

и контратаках, а чаще в обстрелах и попытках укрыться от таковых в глубоких окопах.

Пулемётов в сотне не было вовсе, а дивизионная пулеметная команда имела лишь двенадцать вьючных пулеметов, которые пока подготовят к бою — уже новый бой начнется. Если, конечно, будет кому начинать...

Артиллерийский дивизион — полковых пушек гениальные стратеги царской России просто не предусмотрели! — две батареи по восемь орудий, вот только гаубицами казаков не наделили. Впрочем, как и все остальные дивизии Российской империи. А трехдюймовками много не добьешься...

Вот так и воевали, изводя население собственных стран в бессмысленных атаках сквозь колючую проволоку под треск пулеметов и хлопки мосинских, маузеровских и манлихеровских винтовок...

За прошедшие полгода он успел поучаствовать в деле уже несколько раз и заработал себе репутацию безрассудно смелого офицера, в частности за один случай, когда лично уничтожил десяток ворвавшихся в разбитый окоп германцев, стреляя с двух рук. Но вообще бывший полковник Рябинин старался не отвечивать, вживаясь в новый для себя мир и осваивая новые отношения. Для него было немного дико, что офицер запросто мог измордовать солдата за любую провинность, а их питание и обмундирование было вообще вне интересов командиров рот, батальонов, эскадронов и сотен. Те в основном проводили время за потреблением спиртного, игрой в карты и разговорами ни о чём.

А новый Анненков вместо этого стал потихоньку учить своих солдат. Для начала отобрал десяток метких стрелков и, выбив для них новые, с ещё не расстрелянными стволами, винтовки, заставил пристрелять и во время атаки огонь этого десятка прикрывал роту эффективнее пулемётов.

Потом навёл маскировку на всё хозяйство сотни, обо прикрыв отрытые блиндажи и огневые точки. Казаки сначала бурчали на придура командира, заставившего их